

планѣ. И, во всяком случаѣ, если уж ставить вопрос об его собственной «идеологии», то как-же закрывать глаза на общеизвестный факт, что Пушкин высоко цѣнил историческую роль русской родовой аристократіи и именно в ней видѣл противовѣс самодержавію? Но автору, видимо, нужно было доказать, что Пушкин «всецѣло наш», и, обосновывая это утвержденіе, он подчас доходит до предѣлов комическаго: «Пушкин — наш современник: его, как человѣка будущаго, воспринимал Гоголь, который говорил, что Пушкин — это русскій человѣкъ в конечном его развитіи. Пушкин был писателем демократическим. На письма он отвѣчал» (!).

П. Бицилли

Horst Rüdiger. — *Wesen und Wandlung des Humanismus.* — (Hoffmann und Kampe, Hamburg).

Слово «гуманизм» употребляют в разных смыслах, и эта многозначность его приводит нерѣдко к путаницѣ понятій, а не только слов. Вопреки его этимологіи, «человѣчность» есть самый поздній и самый неточный его смысл. Гуманность — понятіе исторически связанное с гуманизмом, и потому трудно быть гуманистом, ничего не зная о гуманности, но в ходѣ исторіи оно от своего корня оторвалось, и потому можно быть гуманнѣе, ничего не зная о гуманизмѣ. В современном обиходѣ, особенно французском, соблюденіе гуманитарных принципов называют нерѣдко гуманизмом, смѣшивая тѣм самым элементарную защиту человѣческой жизни и достоинства с той особой идеей человѣка и тѣм особым выбором в области культуры, на которых основан гуманизм.

В исторически точном и понынѣ единственно полезном смыслѣ слова гуманизм означает, прежде всего, известное отношеніе к классической древности, отношеніе не просто академическое, школьное, а живое, при котором она и созданный ею образ человѣка рассматриваются, как предмет не изученія только, но и подражанія или соревнованія. Гуманист, даже если он мечтает античность превзойти, мѣрит духовный рост человѣка и его твореній мѣрою античности. Правда, поступает он так именно потому, что античное представляется ему человѣческим по преимуществу, а, значит, и способным быть усвоенным во всем мірѣ самыми различными людьми, однако усвоеніе это он понимает не как естественное братаніе с чѣм-то средне - человѣческим, а как духовный подвиг, возвышающій и облагораживающій человѣка. В превосходной книгѣ Рюдингера показаны тѣ многообразные оттѣнки, которые в своей долгой исторіи принимал европейскій гуманизм и различія которых объясняются мѣняющимся пониманіем античности в смѣнѣ вѣков и неодинаковым чувством близости к ней в разных европейских странах. Тѣм не менѣе всякому гуманизму присущи двѣ основных черты: живое воспріятіе античнаго преданія и стремленіе так воспитать человѣческую личность, чтобы она могла подняться над средним уровнем человѣческих возможностей.

Вопрос о происхожденіи гуманизма есть вопрос о том, как произо-

шло сляніе воедино этих его двух составных частей. Огромная роль принадлежит здѣсь Цицерону, и одна из заслуг Рюдигера состоит в подробном выясненіи ея. У Цицерона наслѣдіе Греціи уже ощущается, как цѣлое, и именно как цѣлое оно имѣет быть привитым Риму: римлянин станет человѣком в высшем смыслѣ слова только если его воспитает Греція. Этой концепціей фундамент гуманизма уже заложен на будущіе вѣка и дана его основная формула: (романизованная) греческая культура, как принцип воспитанія личностей и народов. Содержаніе этой формулы — что именно у Греціи (или античности в цѣлом) брать, какія стороны человѣка и как воспитывать — могло мѣняться, и Цицерон его раз навсегда не установил; однако, и тут предвосхитил многое, напримѣр идею гуманности, впоследствии особенно усвоенную Эразмом, или представленіе о поэзіи, как о нѣкоей гуманитарной наукѣ, перенятое Петраркой и его наслѣдниками в Италіи. Представленіе это указывает на извѣстную узость гуманизма в его конкретном историческом воплощеніи, и к таким же его отрицательным чертам, намѣченным уже у Цицерона, Рюдигер относит отсутствіе интереса или прямое недовѣріе к физико - математическим и біологическим наукам, которое, впрочем, можно объяснить и тѣм, что гуманизм всегда заботился о морально - эстетическом воспитаніи человѣка, а не о чисто интеллектуальном его развитіи.

В Италіи гуманизм был неотъемлемой составной частью гораздо болѣе широкаго культурнаго движенія, вполнѣ національнаго по своему смыслу и своим цѣлям; этой странѣ он был дан, другим оказался заданным. Однако задан он был им все же не чѣм-либо произволом, а их общей европейской судьбой, и Рюдигер напрасно взирает на него с нѣкоей ретроспективною опаской. Он совершенно правильно отмѣчает его большую чуждость національной культурѣ Германіи, чѣм Франціи или даже Англіи, с полным основаніем противопоставляет нѣмецкій гуманизм Гуттена подчеркнuto европейскому гуманизму Эразма и с большою проницательностью анализирует позицію Винкельмана, боровагося с романизованным гуманизмом классической Франціи путем из'ятія Греціи из римской опеки, но странным образом не видит, что — именно благодаря контрасту — соприкосновеніе с античностью явилось для Германіи особенно плодотворным: никакой другой странѣ оно Гете и Гельдерлину не дало. Послѣднія главы, в общем превосходныя, слегка испорчены тѣми же предрасудками, сводящимися к характерному для нашего времени соединенію націонализма с этатизмом. Главы эти посвящены Вильгельму Гумбольдту, Буркгардту, Георге и так называемому «третьему гуманизму», т. е. движенію, возникшему уже послѣ войны, под влияніем извѣстнаго берлинскаго ученаго, автора «Пайдейи», Вернера Іегера. Если бы эта прекрасная книга была написана русским автором, он закончил бы ее главой о Вячеславѣ Ивановѣ и Ф. Ф. Зѣлинском, провозвѣстниках пока неосуществившагося русскаго или, как они хотѣли его назвать, славянскаго гуманизма.